НЕВѢСТА СЪ ПЛОЩАДИ.

Едва ли кто у насъ не слыхалъ о народномъ повѣрьѣ: что берутъ, или что можно брать невѣсту *изъ–подъ–кнута,* такъ выражается простой народъ въ разсказахъ своихъ объ этомъ странномъ дѣлѣ, — тѣмъ болѣе странномъ, что нѣтъ и не бывало закона, который бы допускалъ самую возможность этого мнимаго обычая, — а между тѣмъ народъ во всей Россіи вѣритъ въ него и пересказываетъ сохранившіяся о томъ преданія. Вотъ одно изъ нихъ: оно, какъ и всѣ подобныя ему, основано на укоренившемся мнѣніи, что если явится человѣкъ, который въ самую минуту торговой казни преступницы, объявитъ гласно желаніе покрыть вину ея, то есть, обвѣнчаться съ нею и взять ее на свой отвѣтъ, то казнь немедленно отмѣняется, и невѣсту, вмѣстѣ съ посланнымъ ей судьбою суженымъ, везутъ прямо къ вѣнцу. Не могло ли быть

подобнаго освященнаго однимъ обычаемъ дѣла въ старину, когда правительственный и общественный порядокъ основывался болѣе на обычаяхъ, чѣмъ на писанныхъ законахъ? — Вотъ что, между прочимъ, объ этомъ говоритъ преданіе.

Въ одной изъ среднихъ губерній нашихъ, въ хорошемъ селѣ, жилъ не бѣдный крестьянинъ, семьянинъ, и между прочимъ была у него дочь Дарья. Дѣвушка эта смолоду показывала въ нравѣ своемъ много особеннаго, чего ни родители ея, ни другіе приближенные не имѣли, да и конечно не старались понять, и даже въ послѣдствіи не могли хорошенько объяснить. Иные называли ее упрямою, даже злою, тогда какъ другіе говорили, будто она къ доброму человѣку такъ добра, что и мѣры нѣтъ, но что сердце ея не терпитъ никакой обиды или неправды: а что зла бывала она развѣ тогда только, когда подводили ее подъ напраслину, которой она не терпѣла. Она, какъ увѣряли, была жалостлива и послушна, если ее не раздражали грубою бранью, поклепомъ или

несправедливымъ и непосильнымъ требованіемъ. Но когда она выросла и, какъ говорится, заневѣстилась, то все это вскорѣ было забыто, а добрая слава о Дарьѣ ходила по всему околотку. Она была черноволоса и черноглаза, очень бѣла для крестьянки, росла и статна; черты лица ея были чрезвычайно живы и выразительны, и за здравый, прямой умъ свой, она получила прозваніе *козырь*–дѣвки. Она тоже извѣстна была самою работящею дѣвкою на селѣ; дѣло у нея подъ руками не только кипѣло, но и горѣло; она всегда бралась за него со смѣхомъ, шутками и пѣснями; но если, по временамъ, на Дарью находила хандра, по поводу какой нибудь обиды или неправды, то она замолкала на цѣлую недѣлю и не прежде дѣлалась опять тою же веселою пѣвицей, какъ высказавъ обидчику своему всю правду въ глаза и сказавъ, не выжидая отвѣта: Богъ съ тобой!

Естественно, что за такою дѣвкой ухаживало много парней; говорятъ, что, когда однажды двое изъ нихъ поссорились изъ–за нея и чуть было не подрались, то

она закричала имъ: «Чура не драться, дураки: лучше подите сюда, такъ я сама, изъ своихъ рукъ поколочу васъ обоихъ, да и погоню коромысломъ со двора!» — Говорятъ тоже, что Дарья была благосклоннѣе, чѣмъ ко всѣмъ прочимъ поклонникамъ своимъ, къ бѣдняку, къ сиротѣ–парню, который жилъ въ селѣ въ работникахъ; но само собою разумѣется, что парень этотъ былъ не дружка и не ровня Дарьѣ, которая не смѣла и думать о такомъ женихѣ: нашелся другой, по нутру отцу ея, по нраву матери, — сынъ земскаго, волостнаго писаря, молодой щеголь, видный собою и съ наживнымъ достаткомъ, но поведенія ненадежнаго. Отецъ, хоть и самъ хмѣльной, не разъ колачивалъ его, по возвращеніи изъ города, съ погулу, приговаривая: хоть и валентиръ, да не ходи въ трахтиръ, не играй въ белендряй, не испивай горячихъ шпунтовъ.

Женихъ этотъ Дарьи не нравился: она отпрашивалась долго у отца и матери и называла жениха въ глаза нахаломъ за то , что онъ не хотѣлъ отъ нея отстать; но

наконецъ должна была согласиться и выдти за него, потому что въ подобныхъ случаяхъ дѣло рѣшаютъ старики, которые больше нашего знаютъ. Главнымъ доводомъ родителей было то, что и мать Дарьи въ свое время не хотѣла итти за отца ея, а послѣ вышла, да вотъ, благодаря Бога, и живутъ. Сыграли свадьбу, на которой подруги Дарьи не шутя плакали и причитали по невѣстѣ, то есть, не для одного только обыка и приличія, а потому что жалѣли ея, и до трехъ разъ принимались пѣть: «Утопили же твою головушку за такимъ да за водопьяницей», — такъ что наконецъ отецъ невѣсты, окрысившись прикрикнулъ на нихъ: «Да ну васъ и съ этою пѣснею, на свою бъ голову вамъ ее» и тѣмъ заставилъ ихъ замолчать. Расплели Дарьюшкину черную косу — всѣ дѣвушки плакали, не плакала только одна она; а что думала она, не знаю. Объ этомъ было на селѣ много пересудовъ; иные говорили, что она не плакала со злости; другіе, что охотно шла за сына земскаго и только притворялась.

Вскорѣ однако люди заговорили, что Аксенка съ Дарьей живутъ не совсѣмъ ладно; иные винили его, говоря, что онъ и прежде былъ непутный человѣкъ; другіе обвиняли ее, увѣряя, что она ухватомъ да помеломъ весь домъ завоевала и что Аксенкѣ отъ нея житья нѣтъ. Умнѣйшіе говорили просто, что они оба другъ для друга не годятся, что на эту бабёнку надо бы не такого кислаго мужика, каковъ Аксенъ, а ей бы нужно такого, котораго бъ она любила. Словомъ, когда дѣло было сдѣлано, тогда только стали догадываться, что напрасно ихъ перевѣнчали. И тѣ же самые сосѣди, которые прежде говорили отцу Дарьи, на жалобу его, что она не хочетъ за Аксена: «Да чего тебѣ на нее смотрѣть? что она знаетъ? Вотъ нашелъ толкъ, дѣвку спрашивать!» — тѣ же самые сосѣди говорили теперь: «Эхма, напрасно поторопился старикъ: дѣвка еще молода — да и дѣвка–то еще какая! эдакая не засидится, не бось! Ну, пусть бы ее еще пожила себѣ на волѣ, чай не объѣла бы тебя, вѣдь она у тебя двухъ работницъ

стоила; пусть обрыкалась бы маленько — она бы своего нашла?»

Дарья забеременѣла, и тутъ опять, вмѣсто того, чтобы этому обстоятельству примирить и сблизить болѣе молодыхъ, оно напротивъ послужило къ новымъ ссорамъ, и къ ссорамъ такого рода, которыя развѣ только въ самомъ черствомъ быту могутъ прощаться или забываться, а во всякомъ человѣкѣ съ нравственнымъ чувствомъ не допускаютъ даже и мировой. Аксенка, который сталъ опять слоняться и попивать, не знаю съ чего, сталъ придираться къ женѣ своей и попрекать ее теперь тѣмъ бобылемъ, о которомъ выше было упомянуто. Онъ сталъ ревновать ее и, по обычаю этихъ людей, бранился съ нею за это вслухъ, не заботясь о случайныхъ свидѣтеляхъ. Дарья отвѣчала на это съ гордымъ презрѣніемъ, что онъ пьяный дуракъ, и самъ не знаетъ что вретъ, что никому недоводилось и прикоснуться къ ней, да и ему дураку, хоть бы и мужу, въ жизнь свою также не видать ея, какъ ушей своихъ, если бы отецъ не потерялъ бы за

нимъ головы ея. Тогда Аксенка, по заведенному обычаю, хотѣлъ побить жену; но при первой угрозѣ къ тому, Дарья ощетинилась такимъ рѣшительнымъ негодованіемъ, что онъ струсилъ и, по совѣту товарищей, напился еще болѣе, для отваги. Сдѣлавъ это, онъ подступилъ къ Дарьѣ, какъ ему казалось, съ геройскою смѣлостію и рѣшимостію; но оказалось, что онъ, какъ говорится, и лыкомъ не вяжетъ; съ невнятною бранью доползъ онъ до нея на растопыркахъ, а ему казалось, что несся онъ соколомъ выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго! Дарьѣ не стоило большаго труда уложить его подъ лавку, на солому, приготовленную для гусей, и заложить его тамъ доской, въ которой были только небольшіе прорѣзы для гусиныхъ шей. Тамъ проспалъ Аксенка до утра, очень испугался, очнувшись утромъ въ гробу, стыдился разсказать о приключеніи своимъ товарищамъ, и на нѣсколько времени присмирѣлъ.

Дарья родила сына. Бабки и кумушки едва не замучили бѣдную родильницу,

парили и мыли ее, трепали и катали, а наконецъ привели изъ жаркой бани и уложили въ избѣ. Такъ какъ это не мужское дѣло, то Аксенъ и не принималъ въ немъ никакого участія, но счелъ впрочемъ долгомъ напиться отъ радости и пойти съ поздравленіемъ къ тестю и тещѣ. Прошло дня три; крѣпкое сложеніе молодой и здоровой женщины взяли верхъ, и она была уже въ избѣ своей на ногахъ. Мужъ всталъ со свѣтомъ и пошелъ на работу; Дарья еще спала. На нее какъ–то напалъ такой непробудный сонъ, что она, проснувшись наконецъ довольно поздно, насилу опомнилась, и сама тому дивилась. Первымъ движеніемъ ея было ощупать около себя ребенка — онъ былъ тутъ, но лежалъ поперегъ, подъ нею: ее вдругъ будто обдало льдомъ; она вскочила, схватила его въ руки — онъ уже остывалъ; живой теплоты въ немъ уже не было. Она его *заспала.*

Дарья рѣзко взвизгнула; черные глаза ея дико сверкнули, она припала къ ребенку и долго, долго старалась отогрѣть его

дыханіемъ; вдругъ остановилась, приподнялась; опять ощупала его руками, опять дико вскрикнула и вдругъ облила его цѣлымъ потокомъ горючихъ слезъ.

Люди сошлись по немногу, сосѣди и сосѣдки прибѣжали; но пора была страдная, народъ большею частію на работѣ, дома оставались старые да малые. Дарья стояла вытянувшись во весь ростъ, въ углу подлѣ кутника, прижимала мертваго младенца къ груди своей и не шевелясь поводила только кругомъ черными, блестящими, но будто безумными глазами. Старики и въ особенности старухи, входили, разсуждали вслухъ, кричали и горланили, подходили по нѣскольку разъ къ несчастной матери, осматривая ребенка, и завѣряли, что онъ ужъ не живой. Одна говорила: экая ты какая, Дарьюшка, да ты бы вотъ то и то, да ребенка–то клала бы подальше отъ себя, къ краю, не то бы повыше, въ головы, вотъ подико–сь, я покажу…. другая извиняла ее тѣмъ, что это у нея былъ первенькой и дѣло непривычное; третья полагала, что видно–

де Дарьюшка, голубушка моя, больно крѣпко уснула — и прочее. Тутъ же припоминались и разсказывались всѣ подходящіе къ дѣлу былые и небывалые случаи, со всѣми подробностями. Натолковавшись досыта, послали наконецъ за родителями Дарьи, тамъ за теткой, но всѣхъ ихъ не было дома; тогда послали двухъ ребятишекъ въ поле звать домой мужа ея; а какъ за тѣмъ несчастная мать все еще стояла, блѣдная какъ стѣна, на томъ же мѣстѣ, крѣпко прижимала младенца и не давала его никому, не смотря на всѣ убѣжденія и завѣренія, что пора–де его обмыть и прибрать, то старушки разсѣлись по лавкамъ и начали толковать на распѣвъ о томъ, что Богдашка этотъ — какъ называютъ всякаго младенца до крестинъ — не крещенъ на бѣду, и что нельзя его хоронить на святой землѣ, на кладбищѣ, а надо хоронить безъ попа и за оградой; что матери не видать его и на томъ свѣтѣ, что это еще и не человѣкъ, и Богъ еще не вложилъ въ него душу, потому–де что въ немъ нѣтъ еще ни креста, ни печати

дара Духа Святаго, и проч. Вслѣдствіе такого разсужденія, бабушки и поспѣшили тотчасъ же зажать ротъ одной безтолковой, выжившей изъ ума старухѣ, плакальщицѣ по призванію, которая, услышавъ, что въ избѣ Аксенки есть покойничекъ, прибѣжала бѣгомъ, въ притрусочку, съ другаго конца села и начала было выть и причитать: «ахъ ты свѣтикъ, голубчикъ ты мой! о и кто жъ меня будетъ любить, а кто жаловать, поить, кормить! на когожъ ты покинулъ меня?» и проч. Старуха замолчала, струсивъ въ недоумѣніи: а что, нешто не надо? — И не совсѣмъ понявъ въ чемъ дѣло, потому что была очень туга на ухо, (а объясненія, что это–де не покойничекъ, а Богдашка, и что по немъ ни плачу, ни причитанья не бываетъ, оглушили ее кругомъ, со всѣхъ сторонъ), — замолчала, покачала головой и начала про себя креститься и молиться.

Мало по малу изба стала очищаться отъ мусора, и незванныя посѣтительницы частію разбрелись, а частію сѣли подгорюнясь за воротами и стали потѣшать другъ друга росказнями. Дарья, оставшись

одна, въ тишинѣ, послѣ этого оглушительнаго шума, вдругъ пришла въ какое–то безпокойство и судорожную дѣятельность: лицо ея разгорѣлось, глаза опять засверкали; она стала дико оглядываться; не отымая трупа младенца отъ груди своей, она тихо подкралась къ столу и ухватила большой хлѣбный ножъ; казалось по всему, что она, въ безсознательномъ отчаяніи своемъ, хотѣла наложить на себя руку: она пробовала пальцемъ, остеръ ли ножъ, потомъ опять осторожно оглядывалась, прислушивалась къ голосамъ старухъ подъ окнами, и наконецъ опустила руку и заглядѣлась на мертвое лицо своего младенца. Въ этомъ положеніи стояла она еще, когда услышала на улицѣ громкій говоръ и шумъ: это шелъ съ поля Аксенъ, и старухи встрѣтили его дружнымъ хоромъ, соболѣзнуя и разсказывая, что и какъ случилось. Одна баба даже уцѣпилась за него и тащилась вслѣдъ за нимъ въ избу, приговаривая: «ты не бей ее, родной не бей; смотри, грѣшно

будетъ: вѣдь она нехотя, божья судьба, божья воля!»

Аксенъ вошелъ, а за нимъ толпой сосѣди и сосѣдки. Дарья, услышавъ шумъ этотъ, вздрогнула и отвела руку съ ножемъ за себя, за спину, будто хотѣла его спрятать. Аксенъ подошелъ къ ней довольно спокойно и равнодушно, взглянулъ на трупъ младенца, а потомъ на Дарью, и отворачиваясь, сказалъ: «Что–жъ, однимъ выродкомъ меньше на селѣ.»

Едва проговоривъ это, онъ дико вскрикнулъ и упалъ ничкомъ. Люди подскочили — у Аксена все лицо обдало кровью и самъ онъ хрипло дышетъ. Стали его приподымать, и тогда только съ ужасомъ увидѣли, что у него въ шеѣ торчалъ большой ножъ, воткнутый въ тѣло по самый черенъ. Никто не видалъ почти, какъ это сдѣлалось; едва только тотъ или другой изъ бывшихъ въ избѣ стариковъ и старухъ замѣтили какое–то быстрое движеніе руки Дарьи, будто она оттолкнула отъ себя мужа или ударила его на отмашъ.

Крикъ ужаса раздался въ избѣ Аксена, потомъ на улицѣ, и вскорѣ, завывая разными голосами, разнесся по всему селу и по полямъ. «Дарья зарѣзала мужа!» кричали встрѣчные другъ другу, черезъ улицу, черезъ дворы, загороды и коноплянники — и когда несчастный Аксенъ, черезъ четверть часа, точно отдалъ Богу душу, то уже болѣе никто не думалъ унимать глухую старуху, знаменитую плакальщицу, которая разсѣлась на какомъ–то обрубкѣ, расположилась по должности своей какъ дома, всплескивала руками и заливалась причитаньями, которыхъ разумѣется, никто не слышалъ.

Дарью заковали; слѣдствіе, а за тѣмъ и судъ, пошли своимъ путемъ, и дѣло окончено было довольно скоро, потому что оно было довольно просто: всѣ показанія свидѣтелей и самой преступницы были согласны и ни въ чемъ не разнословили. Дарья отвѣчала только, что неясно помнитъ, какъ это сталось, но помнитъ, что сдѣлала это вышедъ изъ себя, когда Аксенъ, при людяхъ бранно обозвалъ

младенца и навелъ такой клепъ на нее, ни въ чемъ передъ нимъ невиновную; что упрекъ этотъ она съ трудомъ переносила прежде, а теперь была въ безпамятствѣ и только смутно вспоминаетъ, что случилось. Яковъ, призванный также для допроса сильно плакалъ, ломалъ руки и приводилъ Бога въ свидѣтели, что ни онъ, ни Дарья не были причастны грѣху и что Аксенка, Богъ вѣсть съ чего, взводилъ на бѣдную Дарью такую напраслину.

Какъ бы то ни было, а Дарья, какъ уличенная и во всемъ сознавшаяся убійца, приговорена была къ торговой казни. Пришелъ назначенный день, и всѣ пріуготовленія были сдѣланы на площади губернскаго города, гдѣ на этотъ разъ, по поводу Покровской ярмарки, собралось много народу. Не станемъ описывать всѣхъ подробностей тогдашняго порядка исполненія подобныхъ приговоровъ; они довольно извѣстны, а кто бы и не зналъ ихъ, тотъ конечно ничего отъ этого не теряетъ. Когда преступница была приведена, то соболѣзнованіе и ужасъ

обнялъ несмѣтную толпу: это была рослая, статная красавица, на 21–мъ году жизни своей, прекрасная собой, не смотря на всѣ перенесенныя и еще ожидаемыя ею страданія; въ пріемахъ ея не было ни трусости, ни слѣда кичeнья или наглости: она вполнѣ предалась судьбѣ своей, и кромѣ обнаружившагося по временамъ страха, одинъ только стыдъ позора и глубокое, хотя и позднее, раскаяніе потупляли глаза ея въ землю. Слышно было, что она много и долго молилась, во всемъ каялась и винилась; и ничего не говорила въ свое оправданіе.

Мертвое молчаніе установилось, когда послѣ барабаннаго боя, стали вслухъ читать приговоръ. Въ числѣ присутствовавшихъ тысячъ конечно не было ни одной души, не знавшей болѣе или менѣе всѣ обстоятельства происшествія, — которыя впрочемъ и не помѣщаются въ подробности въ приговорѣ, — но казалось, каждый хотѣлъ услышать все, до послѣдняго словечка, что до этого случая относилось, и, можетъ быть, найти, въ свое утѣшеніе,

какое нибудь обстоятельство, облегчающее нѣсколько совѣсть преступницы.

Лишь только приговоръ былъ прочтенъ и несчастная передавалась въ руки палача, какъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ круга выступили изъ толпы два человѣка: одинъ въ самой бѣдной крестьянской одеждѣ, съ лицомъ, едва только опушеннымъ бородкой, блѣдный, сильно разстроенный подъ пыткою страха и боязни, — другой, въ щегольской, тонкой синей сибиркѣ, въ шелковомъ поясѣ, съ пуховою шляпой въ рукѣ, съ лицомъ молодымъ и цвѣтущимъ: первый бросился было торопливо впередъ къ окружавшимъ, по обязанности своей, преступницу, и пробился къ ней; но встрѣтивъ здѣсь втораго, который уже предупредилъ его и раскланивался со властями, бѣдный бобыль Яковъ остановился въ недоумѣніи и страхѣ. Онъ услышалъ ясно, что молодой парень въ сибиркѣ, поклонившись сказалъ: «Ради Христа и вѣчнаго спасенія нашего, помилуйте: я согласенъ взять ее за себя....» Яковъ перекрестился нѣсколько разъ,

засмѣялся и сильно заплакалъ въ одно и тоже время и проговоривъ вслухъ: «Да, вонъ оно что, видишь;» — и отступилъ опять нѣсколько назадъ, такъ, что его даже мало кто и замѣтилъ. Дарья ничего ни видѣла, ни слышала: она стояла, какъ и прежде, не шевелясь, не подымая глазъ.

Это нечаянное вмѣшательство неизвѣстнаго молодаго парня всѣхъ поразило: народъ стоялъ разинувъ ротъ — и если бъ въ это время пролетѣла муха, то ее было бы слышно. Первое слово затѣмъ послышалось вполголоса: «Вотъ, и мнѣ на вѣку пришлось выдавать невѣсту! бери, божій человѣкъ, не бойся, не пожалѣешь!» Парня въ сибиркѣ спросили, что ему нужно? Онъ повторилъ громко и ясно тоже: «Ради Христа и вѣчнаго спасенія нашего, помилуйте: я согласенъ взять за себя несчастную.» Тогда толпа зашевелилась какъ море, и говоры, крикъ радости и молитвы огласили воздухъ. Ни одной шапки не осталось на головѣ: всѣ крестились.

Скажемъ теперь слово о молодомъ парнѣ, который стоялъ въ пяти шагахъ отъ

Дарьи, не блѣдный, не разстроенный, не отчаянный, а спокойный и веселый, въ ожиданіи рѣшенія, но по видимому и съ увѣренностію успѣха. Это былъ сынъ богатаго торговаго крестьянина, изъ сосѣдняго посада. Отецъ и мать его, заботясь о немъ, какъ бы никогда не должно заботиться родителямъ, окончательно порѣшили женить его на мѣщанской дочери, которая нравилась имъ, по разнымъ разсчетамъ и соображеніямъ, но которая до того ненавистна была сыну ихъ Терентію, что онъ почти готовъ былъ отъ нея утопиться. Онъ присланъ былъ отцомъ по торговымъ дѣламъ на ярмарку и слышавъ уже прежде о происшествіи, которое надѣлало столько шуму во всей губерніи, теперь вдругъ, вовсе нечаянно, онъ поставленъ былъ лицомъ къ лицу съ прекрасною преступницей. Мысль, какъ молнія, сверкнула въ рѣшительной головѣ его. Что, какъ бы мнѣ взять за себя, изъ–подъ кнута, эту молодицу, неужто бъ она не была мнѣ вѣрной и покорной женою, по гробъ, неужто она не стала бы меня — ну,

хоть любить не любить, а почаще взглядывать? — а дѣло–то чай сотворилъ бы божеское — вѣдь вонъ она бѣдная какая, погляди! такіе ли бываютъ злодѣи? Бѣсъ съ рукою поспѣшилъ, когда боль скорби и оскорбленія затмили разсудокъ ея, а она грѣху этому не причастна. Неужто ненавистная губительница моя стоитъ ея? А той мнѣ не миновать.... Обвѣнчавшись съ честнымъ молодцомъ и Дарья честна станетъ, я никому не дамъ ее упрекнуть; уѣду съ нею; Богъ съ нимъ, съ отцомъ, пусть деньги при немъ будутъ, я за ними не погонюсь.... Эта мысль въ одинъ мигъ такъ одолѣла его, что онъ уже не могъ отъ нея отбиться, какъ бы за вѣдомымъ, рѣшеннымъ дѣломъ, пробивался онъ вслѣдъ за преступницею впередъ.... Чѣмъ болѣе онъ взглядывалъ въ нее, тѣмъ менѣе могъ онъ рѣшиться отвести глазъ.... Когда же настала роковая минута, которую онъ зналъ по народнымъ преданіямъ, какъ помнилъ и переданныя ему въ дѣтствѣ слова, какія принято говорить при семъ случаѣ передъ властями — когда пришло

мгновеніе это, то въ немъ вдругъ занялся духъ; онъ смѣло выступилъ впередъ, и, объявивъ намѣреніе свое, опять вздохнулъ свободно, будто свалилъ съ плечь цѣлую гору....

Освѣдомились, кто онъ, откуда, не женатъ ли, не родня ли преступницѣ: Терентій тотчасъ же отыскалъ и вызвалъ свидѣтелей, сдѣлавшихъ удовлетворительное показаніе. Начальство подумало и сказало: съ Богомъ, коли такъ; судьбы своей и божьей воли никому не миновать. Палачь, какъ говоритъ это преданіе, не прикоснувшись къ помилованной такимъ необычайнымъ случаемъ преступницѣ, долженъ былъ однакоже, въ назиданіе народу, дать одинъ ударъ кнутомъ по кобылѣ, приговаривая къ этому: «Кошуйтесь, дѣтки, кошуйтесь, молитесь Богу за несчастныхъ.» Онъ положилъ на кобылу лубокъ, разошелся, разсѣкъ его однимъ ударомъ пополамъ, такъ что двѣ половинки развалились врозь — и этимъ всѣ обязанности заплечнаго мастера кончились.

Съ мѣста, какъ стояли они, повели нечаянныхъ молодыхъ къ вѣнцу. Дарья во все время ни разу не подымала глазъ и не видѣла ни жениха своего, ни мужа. Она, кажется, еще не совсѣмъ понимала, что съ нею дѣлалось. Терентій на нее поглядывалъ, улыбался и молчалъ. Народъ радостно шумѣлъ и мчался волной, вслѣдъ за небывалыми молодыми, провожая ихъ сперва въ церковь, а потомъ изъ церкви, если не домой, то по крайней мѣрѣ до самой городской заставы. Многіе начинали имъ бросать деньги, но Терентій, снимая шляпу и ласково раскланиваясь, благодарилъ и отказывался, отдавая деньги нищимъ. Одинъ наѣзжій купецъ до того расходился, среди общаго восторга, что задалъ народу пиръ, обдѣливъ всѣхъ калачами и кричалъ ура до сиплости и изнеможенія.

Терентій пріѣхалъ въ городъ на своей телѣгѣ и на ней же онъ выѣхалъ, съ молодой женой, изъ города. Она все еще не подымала глазъ и не говорила съ нимъ ни слова. Когда они остались наконецъ одни,

въ чистомъ полѣ, то онъ, остановивъ лошадь, сказалъ: «Что жъ, Дарьюшка, подай руку — будемъ жить, что–ли?» Она бросилась къ нему въ ноги, обняла ихъ и теперь только, послѣ долгаго и нестерпимаго томленія, залилась слезами.

Терентій поднялъ ее насильно: «Надо старое позабыть, сказалъ онъ, надо жить намъ снова, вотъ будто мы съ тобой сегодня только на свѣтъ народились.... А куда же мы поѣдемъ теперь, Дарьюшка, вѣдь мнѣ ѣхать домой–то нельзя; примутъ–ли, нѣтъ–ли; отецъ–мать черезъ годъ со днемъ, что Богъ дастъ; чай смилуются, а теперь ѣхать къ нимъ нельзя. Поѣдемъ въ ваше село, къ отцу–матери; можно?

— Какъ не можно, сказала Дарья, глядя Терентію прямо и смѣло въ глаза.... съ Богомъ, поѣдемъ.

Пріемъ со стороны тестя и тещи трудно себѣ представить: они сидѣли въ избѣ своей, на селѣ, въ глубокой горести, зная, что теперь дѣлается въ городѣ.... Вдругъ ко двору ихъ подъѣзжаетъ парная телѣга; они смотрятъ и не видятъ — видятъ и не

вѣрятъ — какой–то парень въ сибиркѣ, въ шелковомъ поясѣ и въ пуховой шляпѣ привезъ къ безсчастному, опозоренному двору стариковъ молодую женщину — и эта женщина — ихъ дочь!

Долго не могли опомниться старики, не могли сказать ни одного слова, хотя дочь ихъ уже лежала у нихъ въ ногахъ, а парень, послѣ земнаго поклона, стоялъ и кланялся, и просилъ ихъ благословенія. Когда же старики опомнились, то оба очутились въ ногахъ у Терентія, который въ отчаяніи своемъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи сбѣжавшагося народа, чтобы силою поднять стариковъ и усадить въ избѣ на лавку.

Родители Терентія года два не пускали его къ себѣ на глаза, между тѣмъ какъ онъ принялся за соху и работалъ у тестя. И Дарья принялась за работу по прежнему, и работа у нея изъ рукъ не валилась. Наконецъ отецъ его заболѣлъ, и, считая себя при смерти, захотѣлъ помириться съ сыномъ и съ невѣсткой. За нимъ послали; и только что старики увидѣли Дарью и

нѣсколько съ нею познакомились какъ она полюбилась имъ и не захотѣли они болѣе съ нею разстаться. А Дарья, говорятъ, была такою примѣрною женою и дочерью, что и теперь, когда случай этотъ сохранился по одному только темному и давнишнему преданію, ее ставятъ, въ тѣхъ мѣстахъ, въ примѣръ всѣмъ женамъ и невѣстамъ.

Я позабылъ сказать только одно: оглохшая и одурѣвшая старуха, знаменитая плакальщица, о которой я говорилъ, прибѣжала на тревогу въ избу отца Дарьи, когда молодые къ нимъ пріѣхали. Не разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло, но увидѣвъ толпу въ сѣняхъ и въ избѣ, и слыша ревъ и плачъ, плачъ радости родителей Дарьи, она, по своему обычаю и призванію, принялась также навзрыдъ ревѣть и причитать, пробираясь локтями въ избу. «Дура, старая дура, ошалѣла!» Посыпалось на нее со всѣхъ сторонъ, и она, опять замолкнувъ, спросила простодушно: «А что, нешто не надо?»